

В. Н. Рудаков

МОНГОЛО-ТАТАРЫ
глазами древнерусских книжников
середины XIII—XV вв.

оцифровано
ColonEast

МОСКВА
Квадрига
2009

Эволюция образов монголо-татар в пространной летописной Повести о Куликовской битве

В пространной летописной Повести о Куликовской битве мы находим интересные сведения о личности Мамаева, о его роли в истории России. Автор Повести, вероятно, опираясь на оценки Куликовской битвы современниками, совершенно отчетливо осознававшими незаконность притязаний Мамая на «царские» prerogatives и неоднократно подчеркивавшими, что борьба на Куликовом поле шла «не с царем, а с узурпатором “царства”»⁸⁵.

Развивая тему гордыни «поганого» «ордынского князя», книжник охотно прибегает к историческим параллелям. В качестве образцов для сравнения с Мамасм летописец выбирает фигуры легитимных «царей» Батыя и Джанибека. В отличие от версии краткого летописного рассказа в пространной Повести Мамай идет на Русь не только «люто гневавшееся о своихъ друзехъ и любовницехъ, о князехъ, избьеных на реце на Воже» и желая «пленити Русскую землю», но для того, чтобы повторить действия Батыя. Мамай, собираясь в поход, призывает своих «темных князей поганых» пойти «на рускаго князя и на всю силу рускую, яко же при Батые было». «Крестьяньство потяраемъ, и церкви Божия попалимъ, и кровь ихъ прольемъ, и законы ихъ погубимъ», – призывает «ордынский князь», «хотя пленити крестьян»⁸⁶. «Высокомыслие», гордыня проявляются Мамаем и тогда, когда накануне сражения он вступает в переговоры с Дмитрием.

Мамай берет на себя несвойственные ему функции – функции ордынского «царя». В данном случае автор Повести, вероятно, опираясь на оценки Куликовской битвы современниками, совершенно отчетливо осознававшими незаконность притязаний Мамая на «царские» prerogatives и неоднократно подчеркивавшими, что борьба на Куликовом поле шла «не с царем, а с узурпатором “царства”»⁸⁵.

Развивая тему гордыни «поганого» «ордынского князя», книжник охотно прибегает к историческим параллелям. В качестве образцов для сравнения с Мамасм летописец выбирает фигуры легитимных «царей» Батыя и Джанибека. В отличие от версии краткого летописного рассказа в пространной Повести Мамай идет на Русь не только «люто гневавшееся о своихъ друзехъ и любовницехъ, о князехъ, избьеных на реце на Воже» и желая «пленити Русскую землю», но для того, чтобы повторить действия Батыя. Мамай, собираясь в поход, призывает своих «темных князей поганых» пойти «на рускаго князя и на всю силу рускую, яко же при Батые было». «Крестьяньство потяраемъ, и церкви Божия попалимъ, и кровь ихъ прольемъ, и законы ихъ погубимъ», – призывает «ордынский князь», «хотя пленити крестьян»⁸⁶. «Высокомыслие», гордыня проявляются Мамаем и тогда, когда накануне сражения он вступает в переговоры с Дмитрием.

Темник «нача слати къ князю Дмитрию выхода просити, како было при Чанибеке цари, а не по своему докончанию»⁸⁷. Нарушение Мамаем «своего докончания» еще больше усиливает оценку темника как нарушающего установленные порядки и иерархии, «беззаконного» узурпатора.

По сравнению с кратким летописным рассказом, посвященным Куликовской битве, негативность характеристик Мамаея в пространной Повести усиливается. «Ордынский князь» именуется «нечестивым», «окаянным», «безбожным», «зловерным», «поганым», «темным сыро-ядцем», «старым злодеем» и пр.

Сравним, например, характеристику Мамаея в Повести о Куликовской битве и в Повести о Мамаевом побоище. В Повести о Куликовской битве Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр. В Повести о Мамаевом побоище Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр. В Повести о Мамаевом побоище Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр. В Повести о Мамаевом побоище Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр.

В Повести о Мамаевом побоище Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр. В Повести о Мамаевом побоище Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр. В Повести о Мамаевом побоище Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр.

В Повести о Мамаевом побоище Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр. В Повести о Мамаевом побоище Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр. В Повести о Мамаевом побоище Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр. В Повести о Мамаевом побоище Мамаея характеризуют как «нечестивого», «окаянного», «безбожного», «зловерного», «поганого», «темного сыро-ядца», «старого злодея» и пр.

⁸⁷ Повести о Мамаевом побоище, с. 14.
⁸⁸ Повести о Мамаевом побоище, с. 14.
⁸⁹ Повести о Мамаевом побоище, с. 14.